

«Я вернулась в мой город...»

Что и говорить, существует это чувство братства среди рожденных в городе на берегах Невы, и не важно как он называется - Петроград, Ленинград, Петербург.

Этот кусочек Земли – твой, «знакомый до слез, до прожилков, до детских припухлых желез». И я твердо убеждена, что «питерцы», куда бы нас не забросила судьба, имеют пожизненно «двойное гражданство» – России и Города Петра.

При первом же знакомстве с человеком слова - «я из Питера», - сразу снимают некий слой «самозащиты»: ты открыт для собеседника, он - «наш человек».

Когда-то давно, в 1958 году, местная итальянская пресса опубликовала статью о русской женщине Клавдии, матери двоих детей, которой удалось-таки, спустя 15 лет, съездить на Родину, в Ленинград. Это был своеобразный “прорыв блокады” – личная победа Клавдии после многолетних мытарств и хождений по инстанциям, советским и итальянским.

С тех пор, отовсюду, к ней за помощью стали приезжать соотечественницы, которые также, как она, оказались «невыездными», выйдя замуж за итальянца. Клавдия переводила и заполняла анкеты, советовала куда и к кому обратиться за тем или иным документом... Потом были приемы советских делегаций на итальянской земле и организация дружеских визитов итальянцев в Россию, участие в конференциях и различных фестивалях - всего и не перечесать... - вот почему Клавдия Ивановна Иванова-Манджини - Почетный президент Общества “Италия-Россия “ в Бергамо.

Клавдия Ивановна часто повторяет: «Как я хочу домой! Как я скучаю по Ленинграду!». И каждый год она ездит в родной город, - возвращается туда, откуда берет начало ЕЕ история «войны и мира»... А в аэропорту Клавдию провожают дети, такие же статные, рослые, красивые, как их русская мать.

Светлана Петрова

Клавдия Ивановна Иванова-Манджини. Мгновения жизни.

В Ленинграде жила-была девочка Клава. В те годы дату и год своего рождения многие советские люди знали не наверняка. Тяжелое было время: революция, гражданская война, голод, разруха... Во всяком случае, по паспорту Клавдия, по батюшке Ивановна, Иванова родилась 16 мая 1924 года в Смоленской области в деревне Куркино Ново-Дугинского района. Там она именно родилась, так как вся их семья жила в Ленинграде, но рожать Клавдию мать поехала в деревню к родственникам. В те времена на селе было и сытнее, и всегда было кому принять роды - повивальные бабки помогали всем.

Семья Ивановых была большая – мать, отец и шестеро детей.

Последний день мира – первый день войны. 21 июня 1941 года Клавдия была счастлива: ей исполнилось семнадцать лет, она окончила девятый класс и получила паспорт – билет во взрослую жизнь. В этот день Клава со своей старшей сестрой уезжала на летние каникулы в деревню на Смоленщину, где их уже ждали отец и мать с младшим братом.

Поезд ехал долго, 24 часа.

Приехали на хутор в воскресенье 22 июня. О том, что началась война узнали только вечером. Старшая сестра была замужем за военным, поэтому сразу вернулась обратно в Ленинград. **«Оставайтесь здесь, отдыхайте! Скоро война кончится, мы победим!»**, - успокоила сестра. Так и остались на маленьком хуторе из трех домов – отец, мама, Клава и младший брат Коля. Все были спокойны и уверены в скорой победе. Рядом в лесу стояли «свои» - советские войска. Да и наган, Клавдия припасла на всякий случай, – его один раненый летчик из Белоруссии отдал на хранение.

Когда линия фронта стала подходить все ближе и ближе, семья Ивановых решила вернуться в Ленинград, но было поздно – железнодорожных путей уже не существовало.

В начале октября 41-го на хутор въехала повозка, в ней сидели два немца и трое «своих» - русских или украинцев, одетых в немецкую форму. Стали повсюду хозяйничать: зачем-то поубивали кур, забрали единственную корову, мешок муки и все, что нашли из съестного.

«Как вам не стыдно! Вы ведь русские!» – кричала Клава. Особенно нагло вел себя один из «русскоязычных», он и ответил: **«Заткнись!»**

Потом этот «наглый» стал захаживать к ним часто. Все приглядывался, можно ли доверять Клавдии... Назвался Николаем, но сказал, что это имя не настоящее, придет время – скажет. Он попал в плен и оказался в лагере военнопленных, который был недалеко от хутора, а согласился сотрудничать с немцами только с одной целью: подобрать верных людей и бежать к своим.

Тем временем жизнь шла своим чередом и семья Ивановых заново стала «обрастать» хозяйством. Как-то отец из леса привел лошадь, видимо, отставшую при отступлении войск. Тетя отдала им свою корову и Клава, привязав ее к саням, довела-таки до дома: 10 километров через лес, полный голодных волков.

Немцы тоже стали «осваиваться» в чужой стране: принесли мешок муки и заставили отца сделать им самогонку. А потом очень удивлялись, как из целого мешка, получилось так мало «шнапса»?

Однажды пришли к ним на хутор заброшенные в тыл немцев советские разведчики...

«Сорок человек - крепкие молодые ребята – сибиряки, попробуй-ка всех накормить!» – вспоминает Клавдия Ивановна, - Целую ночь мы с мамой варили им картошку, другого-то ничего не было. От этого наша русская печка накалилась так, что мы боялись как бы пожар не случился. Вот тогда бы сразу немцы прибежали! Конечно, на следующее утро вокруг дома осталось много следов. Нагрянули немцы, стали допытываться что, где и как. Мы прикинулись «дурачками» - ничего мол не видели и не слышали: я целый день работаю, прихожу поздно и сразу засыпаю. А отец прикинулся глухим. В общем, на этот раз как-то пронесло!»

Как-то раз поздно вечером к Клавдии пришел Николай и объявил, что все готово к побегу. Подобралась группа из шести товарищей-военнопленных – надежных людей, и они этой ночью уходят в лес к партизанам.

«Клава уже давно в черном списке!», - орал староста на следующее утро. В дом ворвались «эсэсовцы» и стали все обыскивать. Сбежавших не нашли, но с тех пор немцы стали регулярно появляться в доме.

«Я говорила брату, куда бы ты не пошел, все подмечай: сколько немцев прошло, куда едут машины, где расположились обозы, - рассказывает Клавдия Ивановна, - И все это я передавала Николаю, которому необходимы были любые сведения. Ему и его бежавшим товарищам я тайком пекла картофельные лепешки, собирала все, что могла, и прятала подальше от родителей».

«Погубит он тебя!» - причитала мама, которая, конечно, догадывалась обо всем и прекрасно понимала, чем это все может закончиться для всей семьи.

Светлую летнюю ночь 2 июля 1942-го Клавдия запомнила навсегда. По всему дому разливался аромат ландышей и она сразу поняла, кто их принес... Николай был одет уже в советскую военную форму. Пришел проститься.

«Вдруг шум во дворе! Я моментально съела записку, которую мне написал Коля, схватила ландыши и засунула в щель в полу. Прямо как в шпионских фильмах! - смеется Клавдия, - Сидела полумертвая от страха и ждала непрошенных «гостей». На счастье, оказалось, советские разведчики!»

Их в доме Ивановых, конечно, напоили и накормили. А на следующее утро, опять тайком от родителей, Клава собрала в узелок картошку, хлеба сколько было, молоко и... обещанный наган. В условленном месте передала все Николаю. Они простилась. Как оказалось, навсегда.

«Я не воюю за Сталина, я воюю за Родину!» – говорил Николай, - вспоминает Клавдия Ивановна, - Дерзкий был, ничего не боялся! Месяца через два после того, как меня угнали в Германию, заходил к моим родным на соседний хутор. Рассказал, что он сын священника, который служил у графа Шереметьева, но, естественно, вынужден был это скрывать; учился в Москве и работал переводчиком; служил во Владимире и пошел оттуда на фронт; попал в плен. И все повторял, что такую девушку, как я, не могли угнать в Германию – Клава обязательно сбежит...

Все эти годы я его разыскивала и везде писала! Николай стал мне родным человеком. Это и не любовь, и не дружба, а именно - родство... такое возможно только во время войны. Столько я за него переживала, столько страха было! Совсем недавно мне удалось узнать его настоящее имя - Владимир Алексеев. Я хотела бы знать, что с ним стало?».

1943 год. В немецкую армию уже попадали все: и старики, и совсем юные мальчишки. После поражения под Сталинградом, даже немцы понимали, что им конец.

Поползли слухи, что отступая, немцы угоняют в Германию молодежь. Ивановы, как неблагонадежные, давно были «на примете» у старосты, и тот сразу объявился и увез куда-то младшего брата. По «воздушной почте» дошла весточка, что брат Коля жив-здоров и работает на конюшне в 15 километрах от хутора.

Что делать? Пошли к немецкому офицеру и тот за взятку – петуха (!) - выписал пропуск. Запрягли лошадь и поехала Клава искать брата. Нашла. Посмотрела, как голодные, продрогшие мальчишки работают на морозе и не выдержала.

«Командую: собирайтесь, ребята, поехали домой!» – улыбается Клавдия, - отчаянная была...

Сели мы в сани, и в лес! Немцы начали стрелять, погнались за нами, но на мотоциклах застряли в снегу. Мама была в ужасе, испугалась, что мне это так не пройдет. Но «нашего мальчика», так ласково называли в семье младшего брата, я домой привезла».

Позже, кто-то пустил слух, что якобы надвигается эпидемия холеры и, чтобы не угнали в Германию, многие стали намазываться чем-нибудь красным, симулируя высокую температуру. В соседней с хутором деревне немцы ходили по домам, но испугавшись повальной «эпидемии», сбежали, так никого и не забрав. Но ранней весной, когда уже начал таять снег, в дом Ивановых пришли немцы и полицаи. Пришли теперь уже за Клавой...
«Сразу почувствовала, шутить нельзя - убьют. Собрала чемоданчик и пошла. Это был последний раз, когда я видела отца и мать... Потом была долгая дорога. До лета так и шли - от одной деревни до другой. В Белостоке окружили нас, как стадо, и кричат: кто знает немецкий? Я сказала, что знаю, учила в школе. И нас, молодых девчонок, загнали в отдельный барак. Осмотрели, как скотину, пять врачей; потом, как они сказали, -санобработка. Раздели догола, одежду свалили в одну кучу. Все облили чем-то жутко пахнущим и - под холодный душ. Направили меня в одну богатую немецкую семью, где один зять нашей хозяйки воевал в России, а другой - во Франции. Подвал был полон французского шампанского.
Боже, неужели и меня заставят надеть такое! - подумала я, когда дверь мне открыла служанка в униформе - белом передничке и кружевной наколке на голове... Вот ведь что приходит в голову, когда молодой!»

Как-то Клава получила весточку от одной русской девушки, с которой познакомилась на пути к Германии; та работала в Дрездене. Пошла сразу к хозяйке...

«Мне по закону полагается отпуск! Я должна проведать подругу, вы не имеете права! Хозяйка, видимо, не ожидала такой наглости от русской прислуги. Но все-таки педантичная немка пошла узнать, так ли это. Конечно, таким, как я, не полагалось ничего».

Наступил 1944 год и многие, даже богатые немцы, уже не имели права иметь прислугу. Теперь бывшая хозяйка вынуждена была сама «работать на Германию», а Клаву отправили в другой дом - к дальнему родственнику Геббельса. Женат он был на немке с невыносимым характером, которой доставляло огромное удовольствие унижать людей.

«Терпела я, терпела, да и пошла в полицию жаловаться на свою хозяйку. Смешно, ей-богу! Как подумаю сейчас, как в голову такое могло придти – обвинять в полиции немку в нечеловеческом отношении к русской прислуге? Говорю: «Отправляйте куда хотите, но обратно не вернусь!»

Рядом с домом, где работала Клавдия, стояла мастерская по ремонту машин. Там работали военнопленные – двенадцать молодых ребят – итальянцев, и Антонио Манджини в том числе... Он воевал давно, с 19 лет: сначала в Африке, потом в Греции, Албании. Когда в Албанию пришли немцы, Антонио лежал в госпитале. За отказ воевать за «Великий Рейх» его отправили в Германию, в лагерь для военнопленных. Сначала он работал в шахтах, а когда понадобился хороший механик, перевели на работу в автомастерскую.

«Bella ragazza russa!» - эта новость, конечно, распространилась моментально, - вспоминает Клавдия, - С Антонио мы общались, как говорится, с грехом пополам, он практически не знал немецкий язык, а я не понимала итальянский. Как-то мы решили прогуляться, но, естественно, никакого разрешения у Антонио не было. Вдруг выходит из кино толпа немецких военных! Что делать? Я ему жестаи объясняю – беги, он и пошел. Тогда я кричу: «шнель!», то есть

«быстро», а Антонио, наоборот, вместо того, чтобы убежать, - повернул обратно ко мне... Сейчас это смешно вспоминать, а тогда могло все плохо закончиться».

«Никого не найдешь и меня потеряешь!» – сказал Клавдии влюбленный Антонио. Они поженились 3 мая 1945 года.

Товарищи Антонио – одиннадцать итальянских военнопленных - приготовили молодым настоящее пиршество. Правда, вместо тарелок были котелки, а вместо скатерти - одеяло, но посередине стола стояли три бутылки ликера и настоящий зажаренный поросенок. Как выяснилось потом, свадебное угощение верные друзья Антонио украли у хозяина мастерской.

А потом был долгий путь в Италию, на родину мужа. Через 15 дней пути в товарном поезде, до отказа забитом людьми, приехали в Бергамо.

«Я думала, что мы богачи, когда нам выдали 500 лир. Мы шли по городу и я увидела небольшой рынок, где продавали свежие фрукты, и мне так захотелось почему-то именно слив. Мы заплатили 40 лир за эти сливы и я поняла, что мы не такие уж и богатые, - смеется Клавдия Ивановна, - этот сливовый вкус я запомнила навсегда...

Был такой хороший фильм о войне «Семнадцать мгновений весны», у меня тоже были свои «мгновения», которых не забыть».

Клавдия Ивановна Иванова-Манджини

Klaudia Mangini

Бергамо, 2010 год